Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав в сельской России[1]

А.Форбруг

Александр Форбруг, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии в Университете Берна (Швейцария). Галлерштрасе 12, 3012, Берн, Швейцария. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch

В большинстве публикаций по географии и аграрным исследованиям проблема лишения прав четко связана с владением землей или с доступом к ней, и эта тенденция лишь упрочилась по мере расширения дискуссий о новой волне инвестиций в сельскохозяйственные угодья по всему миру. Статья критикует такой подход и предполагаемую им связь между сельхозугодьями и лишением прав, поскольку данный аналитический фокус не позволяет понять причины повсеместных, но пространственно рассредоточенных форматов, механизмов и временны*х* рамок лишения прав на землю. Статья основывается на результатах длительной полевой работы автора в сельских регионах России, в ходе которой были прослежены долговременные последствия исторического обесценивания, системных ограничений и распада поддерживающих сельскую жизнь институтов и инфраструктуры. Автор вводит понятие «дисперсное лишение прав», чтобы расширить рамки концептуальных дискуссий о проблеме лишения прав, введя в них ее сложные форматы, механизмы и временны*е* рамки. Эмпирические данные помогают увидеть те формы лишения прав, которые осуществляются медленно и молчаливо и касаются скорее социальных благ и взаимодействия, чем природных ресурсов как таковых.

Ключевые слова: лишение прав, сельские трансформации, Россия, земля, постсоветская политическая экономия

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-19-47

Лишение прав — традиционная и повторяющаяся тема споров об аграрных трансформациях. В последние годы она обрела второе дыхание и получила название новой «волны исследований лишения прав» (Fairbairn et al., 2014: 654), став ответом на очевидный рост числа «земельных захватов». Подобные дискуссии, как наи-

1. Я благодарен Петеру Линднеру и Джулиану Штенманну за комментарии к первоначальной версии статьи, а также Штефану Кольеру, Ирису Дзудзеку, Стефану Оума и Ванессе Томпсон за обсуждение статьи и вдохновение. Я выражаю признательность Немецкому исследовательскому фонду за щедрое финансирование проекта, который был реализован в сотрудничестве с Петером Линднером (факультет социальной географии Университета Гете во Франкфурте) и Александром Никулиным (РАНХиГС).

более активный и влиятельный формат разговора о лишении прав на селе в последнее десятилетие (Borras et al., 2011; Hall et al., 2015; Wolford et al., 2013), по определению фокусируются на утрате сельхозугодий. Споры о лишении прав также затрагивают другие ресурсы — воду и полезные ископаемые (Franco, Mehta, Veldwisch, 2013; Perreault, 2012) — и другие форматы, такие как вывод земли из сельскохозяйственного оборота (McKay, 2017). Тем не менее лишение прав на землю явно претендует на статус самой известной и в то же время широко теоретически исследованной формы лишения прав не только в современной литературе, посвященной земельным захватам, но и в целом в классической (западной) теории и критике.

Я не пытаюсь поставить под сомнение значение каких бы то ни было исторических или нынешних дискуссий и теоретических обобщений относительно «лишения земли». Социальная жизнь «почвы» (Edelman, Wolford, 2017) остается для меня принципиальной точкой отсчета. Однако я убежден, что слишком узкий и некритически воспринимаемый акцент на земельных отношениях отвлекает внимание от более рассредоточенных, но при этом широко распространенных форм сельского лишения прав. Вводя понятие «дисперсное лишение прав», я подчеркиваю необходимость сосредоточить внимание на самом понятии «лишение прав», поскольку оно заслуживает тщательного эмпирического анализа и концептуализации. Тем самым я разделяю мнение, что понятия «первоначальное накопление» (Marx, 1982 [1867]) и «накопление путем лишения прав владения» (Harvey 2003), на которые принято ссылаться, помогают концептуализировать движущие силы процесса лишения прав (Glassman, 2006; Levien, 2012), но утверждаю, что они недостаточны для понимания его реальной динамики и особенностей (см., напр.: Gardner, 2018; Hart, 2006; Kenney-Lazar, 2018). Настоящая статья вносит вклад в дискуссии о лишении прав, (1) предлагая критически оценить взаимосвязь сельхозугодий и лишения прав на селе, (2) представляя эмпирические данные, заставляющие расширить и уточнить последнее понятие, и (3) разрабатывая концептуальную модель для лучшего понимания форм лишения прав, которые являются результатом постепенной дезинтеграции и обесценивания в большей степени, чем насыщенные событиями земельные захваты. Для обозначения совокупности этих форм я предлагаю понятие «дисперсное лишение прав».

Мои концептуальные поиски опираются на обширные эмпирические исследования аграрных трансформаций в России. В этом контексте понятие «лишение прав» оказывается актуальным, но недостаточно изученным. Кроме того, оно обеспечивает плодотворные, но недооцененные основания для теоретической работы. В последние годы наблюдается ускоренное накопление сельскохозяйственных активов, и некоторые сельхозпредприятия выросли до неимоверных размеров (более подробно об этом во втором

разделе статьи). В отличие от большинства сельских территорий мира, облик которых определяют малые и семейные формы (FAO, 2014), с советского периода в российском сельском хозяйстве доминируют крупные предприятия (Lindner, 2007; Spoor, 2012). Впрочем, тенденция к укрупнению в российском аграрном секторе обычно не приводит к вытеснению семейных и фермерских хозяйств и не является прямой угрозой их земельным правам (Wengle, 2017).

Этнографические исследования и анализ среднесрочных исторических траекторий ставят под сомнение представление, что именно земля — главное, что поставлено на карту, и что громкие захваты земли являются основным форматом лишения прав. Но если не четко разграниченные события, которые лишают средств к существованию и будущего, то что именно определяет временны*е* рамки лишения прав? Если земельный вопрос не является главным для многих сельских жителей, то как тогда интерпретировать лишение прав, если речь не идет о земельных правах? Поиски ответов на эти вопросы указывают на историческое обесценивание и структурные ограничения в аграрной сфере, на медленный и почти незаметный распад местных институтов, производственной и социальной инфраструктуры, на утрату потенциала экономического и политического действия. На эмпирическом уровне я изучал эти вопросы в ходе длительной полевой работы (9 месяцев за период с 2012 по 2014 года) в сельских районах разных российских регионов (Липецкая, Воронежская, Ростовская области и Пермский край), дополняя включенное наблюдение интервью с представителями агробизнеса, сельского сообщества, администрации и журналистами (было проведено около 70 интервью), по итогам которых было подготовлено несколько сотен страниц полевых заметок, документальных свидетельств и т. д.

В первом разделе статьи реконструированы некоторые общепризнанные концептуализации взаимосвязи лишения прав и земли, описаны последствия нынешней трактовки лишения прав на сельских территориях. Во втором разделе я рассматриваю диагноз «земельные захваты», вокруг которого строятся современные дискуссии об аграрных трансформациях в России. Третий и четвертый разделы также посвящены аграрным преобразованиям в России и подчеркивают роль длительного распада производства и сокращения возможностей получения дохода, средств к существованию и социальной поддержки. В пятом разделе я ввожу понятие «дисперсное лишение прав», чтобы показать необходимость сосредоточиться на зависимости сельского населения от поддерживающих его институтов и инфраструктуры вместо богатого на события процесса изъятия сельхозугодий. Это требует аналитической фокусировки на разных объектах, механизмах и временны*х* рамках лишения прав, чему и посвящен последний раздел статьи.

ТЕОРИЯ

Акцент на лишении прав на землю характерен не только для литературы о «земельных захватах», но и для значительной части критических аграрных исследований и в целом для географических публикаций (Edelman, Wolford, 2017). Подобное положение дел объясняется давними интеллектуальными традициями, которые подчеркивали особый статус и принципиальное значение земли для человеческого существования и капиталистических отношений. В рамках критической традиции следует назвать две классические работы — «Капитал» К. Маркса (Marx, 1982 [1867]) и «Великую трансформацию» К. Поланьи (Polanyi, 2001 [1945]).

Маркс описывает землю как одно из важнейших средств существования и производства, а отделение крестьян от земли — как основу первоначального накопления, необходимого для становления капиталистической системы классов (Marx, 1982 [1867]). Вследствие этого отделения крестьяне теряют способность обеспечивать свое выживание посредством натурального хозяйства и оказываются зависимы от капитала и наемного труда. Помимо исторического анализа становления капитализма понятие первоначального накопления также используется в исследованиях современности, которые рассматривают отделение крестьян от земли как часть продолжающегося и сегодня процесса лишения прав и включения в систему капиталистических отношений (Hall, 2012; Li, 2014a; White et al., 2012). Насильственное измерение процесса лишения прав имеет важное значение, поскольку Маркс открыто противопоставлял участвующие здесь внеэкономические силы молчаливому принуждению в рамках экономических отношений, характерных для развитого капитализма (Glassman, 2006; Nichols, 2015). Поланьи также подчеркивает особую роль земли в человеческом существовании и экономических отношениях: нельзя трактовать эту конститутивную основу жизни или постепенно превращать ее в обычный товар (Polanyi, 2001 [1945]). Не утратило актуальности и утверждение Поланьи, что попытки превратить землю в (неизбежно фиктивный) товар будут всегда порождать движения протеста (Cotula, 2013; Hall, Hirsch, Li, 2011: 9; Levien, 2013).

И для Маркса, и для Поланьи подобные оценки изменения земельных отношений являются частью более широких обобщений об историческом движении в направлении рыночного капитализма. Множество современных эмпирически ориентированных работ еще больше акцентируют особенный характер земельных отношений, подчеркивая, что «контроль над землей совершенно необходим практически для всех видов человеческой деятельности» (Hall, 2013a: 9). Определяя землю как «недвижимый ресурс» (Bridge, 2009: 262) с заданным «обликом и местоположением» (Li, 2014b: 589), такой подход фактически считает ее неделимой. Так, «любое использование земли и доступ к ней требуют некоторых исключений»

(Hall, Hirsch, Li, 2011: 4), поскольку когда «земля становится дефицитом, исключительный доступ к ней как производственному активу лишь у некоторых противоречит тому факту, что другие лишены доступа к земле» (Hall, Hirsch, Li, 2011: 8). Иными словами, две линии аргументации часто оказываются параллельны: первая касается функции земельных отношений в капиталистических отношениях (и в продвижении к ним); вторая рассматривает особую онтологию земельных отношений как таковых. Эти две линии взаимосвязаны, но различия между ними важны, не в последнюю очередь благодаря традиционной трактовке взаимообусловленности земли и лишения прав.

М. Левьен выдвигает убедительный тезис о специфическом характере лишения прав. Для него предельно важно то, что «лишение прав на землю порождает особый тип политики, отличный... от прочих форм крестьянской политики, ранее теоретически исследованных в социальных науках» (Levien, 2013: 356). Эта принципиальная позиция опирается на ряд допущений об особом статусе лишения прав на землю. Левьен считает землю, «по сути, активом с нулевой суммой», запасы которого ограничены, а спрос на него сегодня велик. По его мнению, земля «либо останется у земледельца, либо будет передана капиталисту» (Levien, 2013: 379). Лишение крестьян земли объясняется этим сценарием и «является общей и единовременной угрозой для народных средств производства и существования... внезапной, экзогенной и необратимой угрозой для жизни людей, их жилищ и образа жизни» (Levien, 2013: 363). Эта угроза «неотвратимо очевидна» и «не может быть сокрыта», потому что «любой земледелец прекрасно осознает ее опасность для своего существования» (Levien, 2013: 236).

Левьен внес важный вклад в прояснение зачастую имплицитных (например, в литературе о «земельных захватах») предпосылок взаимоувязывания земли и лишения прав. Само понятие «захват земли» предполагает, что земля — главная ставка и объект в игре с нулевой суммой, в которой лишь одна из сторон в итоге будет контролировать и пожинать плоды этого ресурса. В этой схеме лишение сельских жителей земли является (темпоральным и каузальным) следствием присвоения сельхозугодий мощными государствами или частными инвесторами. Речь идет о лишении прав на землю, оно выражается в череде громких захватов земли и критически важно по причине жизненной необходимости сельскохозяйственных земель для выживания сельских сообществ. Иными словами, множество различных утверждений и предположений лежат в основе акцента на сельхозугодьях, когда речь заходит о лишении прав.

Однако не следует считать жизненно важную роль земли для сельского населения само собой разумеющейся. Насколько доступ к земле обеспечивает или не обеспечивает средства к существованию, часто зависит от доступа к другим ресурсам (Ribot, Peluso,

2003). Следовательно, необходимо уточнить роль земли в социально-экономических отношениях. Разведение лишения прав и сельскохозяйственных земель соответствует понятию первоначального накопления, поскольку когда Маркс «говорит о земле в контексте лишения прав, он считает ее не товаром, а условием возможности производства товаров... и воспроизводства социальной жизни» (Nichols, 2015: 23) в определенной политико-экономической ситуации. Я полагаю, что независимо от того, является или нет доступ к земле необходимым или достаточным условием для соответствующих форм социального воспроизводства и создания экономической ценности, это всегда эмпирический вопрос, а не онтологическая константа.

Подобное разведение принципиально важно, чтобы не перепутать допущение и диагностику: если мы воспринимаем как должный основополагающий статус земли, то тогда она, естественно, оказывается главным объектом в ситуации лишения прав. А если поставить этот якобы самоочевидный статус земли под сомнение? Ниже я покажу, как этот статус в политической версии лишения прав на землю у Левьена или в эпистемологии «захвата земли» резко противоречит оценкам многих сельских жителей России. Здесь захват инвесторами сельскохозяйственных земель не означает утраты средств производства или существования, не является настолько прозрачным, чтобы люди могли точно сказать, кто и как именно лишил их прав, и обычно не воспринимается как игра с нулевой суммой, в которой инвесторы захватили то, что принадлежит крестьянам. Лишение прав не воспринимается как важное событие и не приписывается чьим-то конкретным действиям. Описанная выше схема лишения прав в России не работает: кто-то может сказать, что тогда речь вообще не может идти о лишении прав, но я могу уверенно возразить, что речь просто не идет о земле.

И это вы называете захватом земли?!

Хотя лишения и бедность в ходе постсоциалистических рыночных реформ стали постоянным объектом анализа относительно узкого круга исследователей российских аграрных трансформаций (Gerry, Nivorozhkin, Rigg, 2008; Independent Institute for Social Policy, 2002; Spoor, 2008; Wegren, 2014), они не оказались в фокусе российских и международных научных дискуссий (Калугина, 2015: 231). В последнее время ряд авторов все же включил российскую проблематику в глобальное обсуждение «захватов земли», и благодаря им вопрос о лишении прав на землю на сельских территориях стал предметом широкого обсуждения.

За прошедшее десятилетие корпоративные земельные владения по всей России удивительно быстро выросли до огромных размеров. В конце 2009 года 22 компании контролировали земельные владения

в более чем в 100 тысяч гектаров (Российский рынок..., 2010), к 2013 году их число увеличилось до 30 (Крупные землевладельцы России, 2013; Novirost, 2013), а затем и до 40 в 2015 году, и некоторые из них контролировали более чем по полмиллиона гектаров (Крупнейшие владельцы..., 2015). Относительно недавно столь значительная концентрация сельскохозяйственных активов и быстрый рост огромных агрохолдингов стали предметом глобальных дискуссий о захвате земли в качестве важного кейса (Edelman, Oya, Borras, 2013; Hall, 2013b), типичного для широкомасштабных земельных захватов (Grain, 2008) и порождаемого ими лишения прав на землю (Sassen, 2010; 2014). Исследования, сфокусированные на отдельных регионах России, также квалифицируют тенденции накопления как «земельные захваты» или «земельный ажиотаж» (Atkin, 2009; Visser, Mamonova, Spoor, 2012; Visser, Spoor, 2011; Wengle, 2017). Среди них одна из первых работ о «земельных захватах в постсоветской Евразии» (Visser, Spoor, 2011), которая была опубликована относительно недавно, но уже процитирована во много раз больше, чем любая другая статья или книга, посвященная тем или иным аспектам постсоветских сельских и аграрных преобразований в последние два с половиной десятилетия. Это пример того, как диагноз «захват земли», независимо от того, идет речь о сельхозугодьях или утрате прав на землю[2], стал «бестселлером» среди тех нарративов, что до сих пор доминируют в описании аграрных и сельских трансформаций в постсоветской России.

Для адекватной оценки процессов накопления и лишения прав в современной сельской России акцент на сельскохозяйственных землях как главном благе и ссылка на глобальный земельный ажиотаж не подходят, потому что ведут к неверным выводам. Накопление сельскохозяйственных активов в постсоветской России нельзя считать основным результатом глобального земельного ажиотажа, возникшего после 2008 года. Начиная с первых десятилетий рыночных реформ подобное накопление было обусловлено скорее значительным обесцениванием и кризисом аграрного сектора, чем спросом или конкуренцией за сельскохозяйственные активы (иногда они считались отрицательными). Преимущественно сельское хозяйство прежде и отчасти сегодня не приносит прибыль ни крупным, ни мелким производителям. Многие нынешние крупнейшие российские агрохолдинги создавались как торговые предприятия или компании по переработке пищевой продукции, но постепенно усилили вертикальную интеграцию и скупили свою сырьевую базу, причем некоторые — еще до конца прошлого века (Barnes, 2006: 155–163; Рынок сельхозактивов, 2013: 3). Как и позже инвестици-

2. Например, авторы задают такие наводящие вопросы, как «Приведет ли захват земель к тому, что сельские жители утратят те свои земельные права, что они получили в 1990-е годы?» (Visser, Mamonova, Spoor, 2012: 901).

онные компании, они в основном скупали землю и другие активы у предприятий-банкротов (Barnes, 2006; Nikulin 2003; Узун и др., 2009). Возродившийся интерес к аграрному сектору ускорил тенденцию накопления, но она все еще обусловлена прежними волнами его разрушения (Nikulin, 2011; Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012).

Проблемы критики мотивов земельных захватов не сводятся к эмпирическим неточностям, важны также масштабы и надежность обобщений: диагноз «земельные захваты» подрывает ту критическую ориентацию, которую он был призван поддерживать. Например, исследование инвестиционных тенденций в секторе сырья и сельскохозяйственной продукции в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) и Содружестве Независимых Государств (СНГ), проведенное Продовольственной организацией ООН (ФАО) (Luyt, Santos, Carita, 2013), подчеркивает такие различия между инвестициями в сельском хозяйстве ЦВЕ/СНГ и «захватами земли» на Глобальном Юге, как существование разных типов инвестиций, бедности и производства (Luyt, Santos, Carita, 2013: XI–XIII). Ссылаясь на эти различия, авторы исследования называют относительным «возрастающий риск “земельных захватов”» (Luyt, Santos, Carita, 2013: XII) и критикуют трактовку «проблемы “захвата земли”» как единственного основания для беспокойства в нынешних инвестиционных проектах. «Местный землевладелец» (Luyt, Santos, Carita, 2013: XIII) выступает в исследовании как потенциальная жертва лишения прав, а не как наемный работник, безработный, самозанятый, рассчитывающий на поддержку сельхозпредприятия, или тот, кто оставляет землю и семью и переезжает в город, сохраняя право собственности на землю, которая не дает ему достаточного дохода. Если мы квалифицируем ситуацию как земельные захваты (что явно не срабатывает), то тогда никакой проблемы здесь нет.

Я полагаю, что категоризация лишения прав в сельской России как земельных захватов — результат серьезной проблемы, состоящей в отсутствии альтернативных наименований для лишения прав, поэтому обращение к модели воровства земли кажется самоочевидным. Учитывая масштабы и скорость земельной аккумуляции, а также характер вовлеченных в нее игроков, предлагаемое понятие дисперсного лишения прав может показаться нелогичным. Именно это противоречие лежит в основе моей аргументации. Понятие дисперсного лишения прав не отрицает масштабность процессов накопления и тот факт, что пока одни получают огромные выгоды, другие остаются или становятся бедными. Одновременно это понятие удерживает от искушения считать взаимосвязь этих тенденций само собой разумеющейся, показывая, что тщательное изучение проблемы лишения прав поможет увидеть сокращение капиталовложений, игнорирование проблем и процессы дезинтеграции, которые разрушили образ жизни и сделали будущее сельских сообществ неопределенным задолго до того, как капитал за-

интересовался российским сельским хозяйством. Я не считаю, что критика с позиций концепции земельных захватов была слишком радикальной или односторонней. Наоборот, я настаиваю на более уверенной и радикальной критике, но при условии, что она откажется от тех допущений о самодостаточном землевладельце и стабильном состоянии сельского хозяйства до «захватов», на которых выстроены работы, сфокусированные на земельном вопросе.

В двух следующих разделах я утверждаю, что перенос диагноза о земельных захватах на российские реалии следует поставить под сомнение с точки зрения фокусировки на земельном вопросе и событийной насыщенности. Сначала я остановлюсь на последних двух вопросах, а затем покажу, насколько это сомнение полезно для концептуализации лишения прав на сельских территориях.

Дело не в земле...

В современной России семейное хозяйство не является доминирующей формой сельскохозяйственного производства. Крупные хозяйства — созданные в советский период совхозы и колхозы — выстояли в годы рыночных реформ (Amelina, 2000; Lindner, 2008; Nikulin, 2003; Visser, 2008). Несмотря на частую смену владельцев и юридических форм, крупные хозяйства продолжали доминировать в большинстве регионов и районов страны, хотя ожидания реформаторов в отношении постсоветского распределения земли и аграрной реформы были радикально иными (Rylko, Jolly, 2005; World Bank, 1992). Когда государство распределяло доли сельскохозяйственных угодий и колхозной/совхозной собственности между прежними работниками предприятий (и другими группами сельских жителей) в начале 1990-х годов (Lerman, Shagaida, 2007), оно ожидало, что в итоге семейные хозяйства быстро заменят неэффективные крупные сельхозпредприятия (Spoor, 2012). Однако уже в первые годы «незавершенной земельной реформы» (Wegren, 2009) параллельно шли процессы концентрации и перераспределения сельскохозяйственных активов. Лишь сравнительно небольшое число фермеров и хозяйств были готовы, способны и выразили желание создать небольшие частные предприятия, потому что у остальных не оказалось достаточно средств, знаний, доступа на рынок или они столкнулись с противодействием и незаинтересованностью бюрократов и местных элит (Pisano, 2008). Существовавшая на тот момент местная производственная инфраструктура была создана в расчете на крупные сельхозпредприятия (централизованные базы и оборудование, огромные поля, большие расстояния, тяжелая техника и т. д.) и крайне редко подходила для мелкого производства. В начале столетия законодательство и программы субсидирования также вернулись к поддержке крупных сельхозпредприятий (Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012: 5–6), которые вновь стали доминировать,

а число малых предприятий сократилось, причем многие из них исчезали всего через несколько лет после создания (Wegren, 2011).

Вместо семейно-хозяйственного сектора возникла двойственная аграрная структура (Spoor, 2012): крупные предприятия обеспечивали бо́льшую часть коммерческого производства сельскохозяйственной продукции и занятость сельского населения, а домохозяйства вели личное подсобное хозяйство на земельных участках вокруг своих домов (как правило, размером менее одного гектара), чтобы дополнить свою продовольственную корзину (Pallot, Nefedova, 2007). Сегодня мелкие и крупные сельхозпроизводители редко конкурируют за одни и те же ресурсы: они торгуют на разных рынках, используют разные схемы субсидирования, производственную инфраструктуру и земельные участки[3]. Сельхозпредприятия обрабатывают большие поля на значительном расстоянии от деревень, а домохозяйства — земельные участки, примыкающие к их домам. Однако две формы производства остаются тесно взаимосвязаны (Pallot, Nefedova, 2007): сельское население зависит от крупных предприятий с точки зрения трудоустройства и разных типов социальной, технической и материальной поддержки.

В сложившихся политэкономических условиях земельные права и собственность (помимо приусадебных участков) оказались «непривлекательным активом для домохозяйств» (Pisano, 2008: 194). Более того, юридические проблемы, снижающие гарантии земельных прав или делающие их весьма неопределенными (Шагайда, 2010), приводили к тому, что земля часто имела серьезные ограничения в использовании или низкую меновую стоимость для сельских жителей в годы постсоветской трансформации. Сельские респонденты утверждают, что совершенно не думали о документах на землю, поэтому многие их так и не затребовали, забыли, потеряли или продали свою земельную долю за смехотворную сумму. Принимая во внимание ограниченные возможности создания частного сельхозпредприятия и низкие рыночные цены на сельхозугодья, использование земли и ее меновая стоимость воспринимались как нерентабельные, а право собственности на землю — как малозначимое. Даже при наличии доступа к сельхозугодьям сельские жители часто не имеют доступа к другим средствам производства, которые позволили бы им извлекать выгоду из земли: к кредиту, субсидиям, оборудованию, производственной инфраструктуре, выгодным условиям торговли, юридическим и экономическим знаниям, институциональной поддержке и т. д. Получение средств к существованию через создание семейных хозяйств оказалось миражом для тех, кто в силу структурных и прочих ограничений не смог превратиться в тот крестьянский тип экономического субъекта, который был запланирован рыночными реформами. Для многих права на землю

3. Не говоря уже о том, что государственные и рыночные структуры часто поддерживают именно крупных производителей.

стали символом несбывшихся обещаний рыночных реформ, а не источником реального экономического развития.

Таким образом, главные научные споры сегодня ведутся не о земельных правах или самообеспечении семейных хозяйств, хотя личное подсобное хозяйство остается важным способом обеспечить базовый уровень средств к существованию. Я не встретил ни одного сельского жителя, который бы назвал жизнь с опорой только на личное подсобное хозяйство приемлемой, не говоря уже о желательной: оно обеспечивает низкий денежный доход, требует много ручного семейного труда и часто (что не соответствует идее крестьянской автономии) предполагает крайне неприятную зависимость от крупных сельхозпредприятий и посредников для доступа к оборудованию и рынкам. Вынужденный возврат к личному подсобному хозяйству — способ выживания, но не гарантия спасения от бедности (см., напр.: Калугина, 2015: 118).

...Не совсем земельный захват

Сельские жители часто упоминают утрату земли и лишение прав на нее, но речь не идет о захвате сельхозугодий и предприятий или о совпадающих с ним по времени инвестиционных проектах как причине[4]. Наоборот: уход государства из села и экономический кризис оставили за собой пустоты, которые, как надеялись многие сельские жители, заполнят «хорошие инвесторы» — своими экономическими, организационными и технологическими возможностями. Зависимость от капиталистических предприятий порождает массу проблем, и сельские жители критикуют инвестиционные компании, но крайне редко именно за лишение прав на землю. Чаще речь идет о том, что эти компании сохранили прежние крупные предприятия и не выполнили те обещания улучшить местные социально-экономические условия, которые сыграли главную роль в легитимизации инвестиционных проектов.

Часто сельским жителям сложно реконструировать временн*ую* канву лишения прав. Местные жители обычно не воспринимают его как земельный захват, потому что им трудно разграничить недавние события и обусловившие их исторические предпосылки. Сельские респонденты называют повторяющиеся и взаимосвязанные

4. Эта оценка применима к тем районам, где я проводил полевые исследования, и ко многим другим российским регионам. Однако серьезные межрайонные различия в стране сохраняются. Некоторые обрабатываемые в советской аграрной системе (ориентированной на результат) поля сегодня не возделываются и не были введены в сельхозпроизводство, а в самых плодородных и высокодоходных регионах конкуренция с использованием самых разных приемов, включая открыто насильственные, вывела из агробизнеса всех игроков, кроме самых мощных.

кризисы и неудачи разных проектов и обещаний, связанных сначала с социалистическим периодом, а затем с рыночной реформой и частными инвестиционными проектами. Они вспоминают о бедности и бесхозяйственности при государственном социализме, о том, как в первые годы рыночных реформ новые предприятия не смогли начать работу, а прежние — продолжать ее, платить зарплату и поддерживать производство. Они наблюдали последовательный провал обещаний как социализма, так и рыночной экономики.

Исследователи подтверждают межсистемные взаимосвязи кризисов. Под относительной внешней стабильностью позднесоветское сельское хозяйство скрывало глубокую зависимость от государственной поддержки, поэтому было подвержено кризисам еще до начала рыночных реформ (Scott, 1998): так, в 1990 году снижение государственных доходов от нефтегазовой отрасли оказало прямое негативное влияние на аграрный сектор (Нефедова, 2014: 76)[5]. Когда рыночные реформаторы утверждали, что советская сельскохозяйственная система была далека от стабильного состояния с экономической, политической и экологической точек зрения, они правильно ставили ей диагноз для обоснования той радикальной модели реформы, которая начала разрабатываться советским правительством в 1980-е годы (Lindner, 2007).

Сельские жители часто критикуют нынешнюю ситуацию по двум основаниям, которые будут рассмотрены ниже: историческое обесценивание и структурные ограничения аграрного сектора; дезинтеграция институтов и инфраструктуры, которые поддерживали производство и социальную жизнь на селе.

Историческое обесценивание и структурные ограничения

Критикуя нынешнюю ситуацию, мои сельские собеседники чаще говорили о длительном сельском и аграрном кризисе, чем оценивали события последних лет. Как правило, речь шла о кризисе, запущенном распадом советской системы и проявившемся в сломе органи-

5. Показатели сельскохозяйственной производительности росли до 1970-х годов, но оставались практически неизменными в периоды значительного увеличения государственных субсидий. Согласно советской статистике, каждые три из четырех колхозов и два из трех совхозов были убыточными в 1980 году, и ситуация почти не изменилась к 1990 году, несмотря на реструктуризацию и конвертацию долгов (Нефедова, 2014: 74–75; Узун, Шагайда, Сарайкин, 2012). Оценивая эти цифры, следует принимать во внимание тот факт, что государственные субсидии компенсировали заниженные цены на продукты питания и что позднесоветские сельхозпредприятия выполняли серьезные социальные обязательства. Примерно четверть расходов сельхозпредприятий шла на социальные услуги, такие как жилищное строительство, медицинское обеспечение, поддержка местной инфраструктуры, школ и культуры (Нефедова, 2014: 76; Серова, 1995).

зационной, вспомогательной и распределительной подсистем государства на фоне роста импорта дешевой сельскохозяйственной продукции, который имел разрушительные последствия для национального и местного рынков: банкротство предприятий, сокращение трудоемких производственных отраслей и массовое увольнение рабочих. Уровень занятости постепенно снижался в течение многих лет, сельскохозяйственный труд обесценивался, и все больше молодежи и квалифицированных рабочих уезжало из сел (Калугина, 2012).

Хотя в целом экономическая ситуация улучшилась на рубеже веков, бедность и невыгодное социально-экономическое положение остаются атрибутами сельской жизни (Gerry, Nivorozhkin, Rigg, 2008; Independent Institute for Social Policy, 2002; Nivorozhkin et al., 2010). По данным статистики, самая высокая доля рабочих с уровнем дохода ниже официального прожиточного минимума — в сельском хозяйстве (Wegren, 2014: 78)[6], и уровень бедности на селе — самый высокий в российской экономике (Калугина, 2014: 125). Для многих семейных хозяйств и ряда крупных производителей без институциональной поддержки собственно сельское хозяйство остается рискованным и часто неприбыльным видом занятости: цены на продукцию не покрывают расходы на производство, проценты (за технику, семена и удобрения) и компенсации за неурожай продолжают съедать всю прибыль. В итоге многие сельские жители считают себя и свои предприятия-работодателей частью исторически обесценившегося и структурно несбалансированного сектора экономики.

В сложившейся ситуации многие жалуются и на отсутствие альтернатив, что объясняет зависимость от неблагополучного сельского хозяйства. Руководители предприятий понимают, что большие расстояния и сомнительные альтернативы позволяют им сохранять относительно стабильный приток работников, несмотря на низкие заработные платы. Вот как описал ситуацию один из них: «Если ты живешь в деревне, куда еще тебе идти? Какой у тебя здесь выбор? Небольшой — только продолжать работать на местном предприятии. Или переехать в город... и заниматься чем-то другим» (*управляющий производством в Воронежской области*).

Переезд в город — привлекательный вариант для молодежи, но его трудно реализовать тем, кто привязан к месту или людям, ухаживает за престарелыми членами семьи, не может найти работу или трудоустроиться где-то еще. Кроме того, смена сельского места

6. В 2012 году доля населения с уровнем дохода ниже уровня бедности, т. е. меньше 6500 рублей, составляла 56,3% в сельской местности и 29,6% в городах (Росстат, 2014: 14–15). В 2013 году средний номинальный денежный доход в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве составлял 14 129 рублей (Росстат, 2014: 435), или 53% среднероссийского показателя (Росстат, 2014: 440).

жительства на городское часто ведет к ухудшению качества жизни: продажа дома площадью 100 квадратных метров в селе вряд ли позволит приобрести однокомнатную квартиру в городе, сельскохозяйственная квалификация и опыт работы не ценятся при трудоустройстве в городе. Личное подсобное хозяйство, поддержка сельхозпредприятия и земельная рента обеспечивают прожиточный минимум в низкодоходной сельской экономике, но не в городе, поэтому распространены случаи возвращения людей и целых семей в деревню после безуспешных попыток обосноваться в городе. Иными словами, крайне сложно избавиться от ограничений сельского хозяйства и сельской политической экономии, просто уехав из села.

Дезинтеграция институтов и инфраструктуры

Сельские жители и местные производители говорят о распаде сельскохозяйственных структур на разных уровнях. Они отмечают отсутствие доступных государственных программ и субсидий, а также институтов, которые могли бы обеспечить поддержку и предоставить информацию по юридическим, финансовым, агрономическим и торговым вопросам. Что касается материальной инфраструктуры, то ее изнашивание и банкротство крупных сельхозпредприятий во многих регионах сопровождалось забрасыванием и разрушением производственной инфраструктуры (базы, дороги, силосные башни, мастерские, конюшни и оросительные системы). Бóльшая часть техники, доступной мелким и средним производителям, устарела и требует ремонта. Кроме того, личные подсобные хозяйства зависят от техники и сырья, которыми их обеспечивали крупные сельхозпредприятия, — их закрытие часто влекло за собой ослабление и ослабление личных подсобных хозяйств (Pallot, Nefedova, 2007). Многие районы нуждаются в воссоздании институциональных и инфраструктурных условий для возрождения сельского хозяйства (Нефедова, 2014) и превращения заброшенных земель в обрабатываемые поля.

Что касается социальных условий жизни, то сельские жители сокрушаются об утрате разных форм социальной, технологической и денежной поддержки, которую получали и отчасти продолжают получать от предприятий советского типа. Такая поддержка включает в себя обеспечение продуктами питания местного детского сада и школы, помощь в проведении праздников и культурных мероприятий и сотрудничество с сельской администрацией. Предприятия посылают рабочих и тракторы на расчистку дорог зимой, ремонтируют дома, водопроводы и электрическую сеть, обеспечивают специальную поддержку пенсионерам, которые составляют бóльшую часть населения многих деревень. В исключительных случаях (свадьба, болезнь или смерть члена семьи) работники и сельские жители могут получить на предприятии денежный заем. Часто предприятие предоставляет машину для перевозки гроба и трактор,

чтобы выкопать могилу, тем самым буквально сопровождая селян на всем жизненном пути — от колыбели до могилы. Подобных услуг вряд ли можно было бы ожидать от капиталистических предприятий, но некоторые «новые» инвесторы их оказывают, потому что государственные структуры заставляют их или потому что им необходимо удержать сельское население и свою рабочую силу на селе и в здравии. В тех районах, где предприятия закрылись или прекратили оказывать такие услуги населению и никто не пришел им на замену, возникшие опустошения воспринимаются сельскими жителями как самые тяжелые потери.

Дисперсное лишение прав

В отличие от сценария, в котором лишение прав на землю «неизбежно прозрачно» и лишенные прекрасно понимают, что с ними происходит, в моем исследовании сельские акторы с трудом могли выделить и описать определяющие моменты, движущие силы и объекты этого процесса. Не было обнаружено ни единого случая или попытки лишения прав, которые бы разрушили некое «исходное» состояние, — до «захвата земли» не было никакого активного простого народа или процветающего крестьянства. В предыдущих разделах было показано, что сельские способы получения средств к существованию в большей степени зависят от ряда случайных отношений, подработок и форм поддержки, чем от доступа к земле и собственности. Таким образом, узкая фокусировка на земельных отношениях, по сути, подтверждает не сдержанное рыночной реформой обещание, что распределение земельных прав обеспечит сельским жителям доступ к реструктурированной аграрной политэкономии и станет фундаментом для формирования экономически независимого крестьянства. Проблема не столько в слабых земельных правах, сколько в ценности самой земли, что подтверждает необходимость исследовать те измерения процесса лишения прав, что выходят за рамки сельхозугодий. Учитывая тесную взаимосвязь трактовки лишения прав на селе и сельхозугодий, о чем говорилось выше, необходима концептуальная проработка проблемы лишения прав. Для этого я буду использовать понятие дисперсного лишения прав, в котором выделяю четыре аналитических измерения — объекты, механизмы, субъективность и темпоральность, чтобы детально обрисовать основные характеристики этого ситуационного процесса.

Объекты

Поскольку нельзя объяснить «характер лишения прав» «характером земельных отношений», дисперсное лишение прав требует внимательного изучения разнообразия способов получения средств

к существованию, что исключает из рассмотрения подходы, узко сфокусированные на земле или ресурсах. В случае аграрных преобразований в постсоветской России особое значение имеет инфраструктура и институционализированная система поддержки. Трагедия сельских жителей состоит не в том, что корпоративные захваты сельхозугодий привели к утрате ими чего-то экзистенциально важного или просто ценного, но в том, что земельные права никогда не служили их интересам. На протяжении всех рыночных реформ эти права часто даже не обеспечивали им средства к существованию, и это яркий пример того, что земельные права не обязательно гарантируют получение выгоды (Ribot, Peluso, 2003: 160). Реализация сельскохозяйственного и экономического потенциала земли требует средств и условий, которые оказались для многих недоступны: это институты, которые поддерживают мелкое фермерское хозяйство, техника и технологии, доступ к рынкам и государственным программам, поддержка местными и государственными организациями основной инфраструктуры, доступ к кредиту и к власти, действующие предприятия, которые предоставляют рабочие места.

Иными словами, вопрос о доступе к земле стал для сельских жителей вторичным вследствие утраты тех форм поддержки, которые позволяли получать выгоду от этого доступа. Речь идет не просто о дополнительных способах реализации потенциала сельскохозяйственных земель, но о том, что они сами по себе являются важным ресурсом. Фокусировка на проблеме лишения прав, а не доступа к земле (Ribot, Peluso, 2003), ведет к пониманию динамики зависимости благ от средств их получения: понятие лишения прав ведет к ретроспективному (пере)определению благ (Nichols, 2017), изменяя и видимые взаимосвязи, и те важные отношения, которые невозможно обнаружить, если они действуют, но все еще не определены в ходе фундаментальных изменений. В нашем случае различные блага, такие как устойчивые институты и инфраструктура, созданные в период социализма, обретают ценность именно потому, что были утрачены.

Механизмы

Анализ постсоветских аграрных изменений показывает, что лишение прав посредством исключения/отделения следует трактовать как связанное с двумя другими процессами (с эффектом отчуждения): во-первых, с распадом структур и инфраструктуры, необходимых для реализации ресурсного потенциала; во-вторых, с историческим обесцениванием и недостатками всей аграрной и сельской сферы.

Механизм исключения/отделения предполагает, что в основном блага остаются в стабильном состоянии, но оказываются присвоены другой стороной. Механизм дезинтеграции характеризует про-

цессы, в ходе которых блага теряют свои функции, предсказуемость и надежность в изменяющихся политэкономических условиях. Понятие дезинтеграции стало популярно в спорах о постсоветских трансформациях в последние два десятилетия (см., напр.: Ellman, Kontorovich, 1992), но не было концептуально проработано. Я полагаю, что оно остается теоретически важным в ситуации распада связей, инфраструктуры и институтов, которые прежде поддерживали социально-экономические отношения и гарантировали возможность выбора (см., напр.: Berlant, 2016).

Обесценивание в данном контексте означает утрату экономического потенциала. Сельскохозяйственное производство обесценилось в годы рыночных реформ, его преимущества были поставлены под сомнение. Это важно потому, что дискурсы о сельскохозяйственных инвестициях и «земельных захватах» подчеркивают потенциальную прибыльность и не сомневаются в экономической ценности сельскохозяйственных активов. Представим эту ценность в рамках сценария игры с нулевой суммой, в которой игроки борются за один и тот же ресурс. В таком случае наиболее вероятный механизм лишения прав — исключение или отделение, тогда как механизмы дезинтеграции и обесценивания характерны для неопределенного ресурсного потенциала. В этом сценарии постоянная незаинтересованность экономических и политических акторов в сельскохозяйственном производстве оказывается более важна, чем растущий интерес к сельскохозяйственным активам. Чтобы понять причины столь часто высказываемой надежды на «хорошего инвестора», придется описать, как лишение прав становится конститутивным элементом исторических процессов дезинтеграции и обесценивания.

Субъективности

В западной научной традиции идея собственности тесно связана с идеей индивидуального собственника. Широко известен вывод Макферсона (Macpherson, [1962] 2011), сделанный им по результатам анализа работ (прото)либеральных мыслителей от Гоббса до Локка, что собственность — исключительное и отчуждаемое право и предпосылка рыночных отношений, а идея владеющего собой индивида (либерального человека), с правом собственности и контроля своего тела и труда, развивалась параллельно идее собственности в ходе становления капиталистических отношений. Мотив собственнического индивидуализма также является фундаментом либеральной (и ряда других) трактовки лишения прав (Kellogg, 2017). Этот мотив прослеживается в идее Локка, что право субъекта на собственное тело и рабочую силу конституирует легитимность его требований права на землю, на которой он работает (Locke, 1988 [1689]: 287–288). Таким образом, здесь собственность предшествует и является условием лишения прав (Nichols, 2017).

Трактовка лишения прав через земельные отношения рискует восприниматься как должные проблемные импликации концепции собственнического индивидуализма, поскольку предполагает наличие субъектов, которые самодостаточны настолько, чтобы быть успешными лишь благодаря доступу к земле и не зависят от структурных, социальных и коллективных форм поддержки, т. е. данная трактовка не учитывает, что собственнический индивидуализм не только политически опасен, но и онтологически невозможен. Батлер и Афанасиу (Butler, Athanasiou, 2013) вносят важное уточнение в этот образ самодостаточности, утверждая, что субъекты всегда зависят от внешней среды и факторов, которые обусловливают их уязвимость: «Если мы живые существа, которых можно лишить места, средств к существованию, крова, пищи и защиты, если мы можем утратить наше гражданство, наши дома и наши права, то тогда мы фундаментально зависим от тех сил, которые либо поддерживают нас, либо лишают нас всего и которые имеют определенную власть над самим нашим существованием. Даже когда мы обладаем правами, мы зависим от способа управления и правового режима, которые предоставляют и поддерживают эти права. Итак, мы выходим за пределы самих себя еще до того, как возникает возможность лишиться наших прав, земли и способов идентификации» (Butler, Athanasiou, 2013: 4).

Эмпирический анализ идеи, что жизнь и способы существования неизбежно зависят от отношений, которые поддерживают и подкрепляют их, требует обратить внимание на то, каким образом эти виды поддержки оказались неравномерно распределены в пространстве и между позициями субъектов и почему депривация уже вписана в ситуации, где отсутствует такая поддержка. «Быть лишенным чего-то» — не только одно из онтологических условий человеческого существования (что подчеркивают Батлер и Афанасиу), но и элемент тех обстоятельств, в которых возможна депривация. В предшествующих разделах я описал ряд поддерживающих отношений, выстроенных вокруг социальных, государственных и экономических институтов или материальной инфраструктуры, как предпосылку приносящих выгоду земельных отношений. Из этого, в частности, следует, что «лишенный прав» человек — это не землевладелец, у которого отобрали землю и выкинули его из дома. Более адекватная трактовка состоит в том, что это рабочий, лишившийся работы, фермер без структурной поддержки и рыночных альтернатив, самозанятый, столкнувшийся с сокращением экономических возможностей, потенциальный мигрант, которому некуда ехать, и человек или домохозяйство, лишенные необходимой социальной поддержки.

Темпоральности

Разнообразные и запутанные темпоральности становятся очевидны в ситуациях, которые имплицитно основаны на лишении прав.

Следует провести различие между недавним присвоением сельскохозяйственных ресурсов и менее событийно насыщенным, но более скрытным распадом поддерживающих и подкрепляющих отношений, хотя их негативные последствия вполне равнозначны. Такое различие проливает свет на встроенность в процессы лишения прав различных темпоральностей, причинностей и степеней прозрачности. В данном случае ситуация, когда акторы уже лишены средств и поддержки для реализации и стабилизации способов своего существования, отличается от ситуации, когда их лишают чего-то, что прежде исправно служило их потребностям и целям. В последнем случае размывается граница между событием и процессами, которые его конституируют, и тогда якобы мгновенный характер «земельного захвата» таковым не является и вводит нас в заблуждение.

Идея дисперсного лишения прав представляет собой попытку отслеживать медленные, последовательные и тихие способы, посредством которых разворачиваются процессы лишения прав (Vorbrugg, в печати). Акцент на конкретном кризисе в заданной временной точке может заставить забыть о прошлом или слишком увлечься предсказаниями будущего (Gardner, 2018), поэтому необходимо исследовать более сложные темпоральности. Чтобы лучше понимать динамику аккумуляции и лишения прав в сельской России, следует изучать асинхронные процессы. В большей степени, чем в посткризисной (после 2008 года) глобальной земельной лихорадке, таковые коренятся в длительных периодах обесценивания и аккумуляции на протяжении последних десятилетий, во взаимосвязанных и пересекающихся кризисах и моделях эксплуатации государственного социализма и капитализма (Нефедова, 2014; Scott, 1998). Это обстоятельство затрудняет протест, потому что нет изначальной ситуации «до земельного захвата», которую следует восстановить. Отсутствие сельского сопротивления в России (Mamonova, 2016) можно отчасти объяснить именно этим. Иными словами, помимо необходимости признать, что у нынешних форм лишения прав есть история (например, колониальные земельные захваты), следует смириться с необходимостью изучать, как эта история становится конститутивным элементом условий, породивших нынешний аграрный кризис (см., напр.: Edelman, Oya, Borras, 2013).

Заключение

Учитывая масштабы потерь и ограничений, с которыми столкнулась сельская Россия в последние десятилетия, странно наблюдать, как проблема лишения сельского населения прав остается за рамками академических дискуссий в России и за ее пределами (Калугина, 2015: 231). Понятие «захват земель» все же внесло эту проблематику в повестку дня зарубежных ученых, но дискуссии о земельном

вопросе и организованном сопротивлении продолжают игнорировать значимые для российских реалий формы лишения прав, которые в основном не касаются земли и осуществляются на фоне молчания населения.

Нечеткий характер дисперсного лишения прав важен в том политэкономическом контексте, когда прибыльность сельскохозяйственных активов долгое время оставалась неопределенной и сомнительной, требуется воссоздание их ресурсной базы, и экономические риски аграрного производства остаются высокими. Данный контекст включает в себя обстоятельства и процессы, которые обеспечивают доступность сельскохозяйственных активов для капиталистического накопления и эксплуатации, хотя случаи их прямой экспроприации редки. Дисперсное лишение прав нельзя свести лишь к функции капиталистического накопления, оно критически важно для понимания того, как случайные исторические условия могут кем-то с выгодой использоваться.

Кроме того, идея дисперсного лишения прав помогает отказаться от его узкой трактовки как обусловленного лишь проблемой доступа к земле, и предлагает широкий набор значимых объектов, механизмов, темпоральностей и субъективностей. Для сельских жителей России потери и ограничения связаны преимущественно с прекращением государственной поддержки, обесцениванием аграрного сектора и сельскохозяйственных активов, ухудшением инфраструктуры и институтов и утратой альтернативных способов заработка в ходе постсоветских аграрных трансформаций. Для многих сельских жителей обещание сохранить семейное хозяйство было нарушено задолго до возрождения интереса к сельскому хозяйству. Таким образом, сельское население было лишено прав не столько в результате какого-то конкретного «захвата земли», сколько в ходе длительного накопления структурных проблем на фоне повторяющихся мелких и крупных неудач программ и экспериментов государства и экономических акторов начиная с советского периода через рыночные реформы и до сегодняшнего дня. Критика, акцентирующая внимание на характере земельных отношений, фактически подтверждает нарушение обещаний реформаторов в сфере земельных отношений и распределения собственности.

Я предлагаю понятие дисперсного лишения прав как в наибольшей степени отражающее те эмпирические реалии, которые его породили. Это понятие ни в коей мере не ограничивает объект анализа индивидуальным опытом или оценкой лишения прав и не защищает наивный эмпиризм. Напротив, я настаиваю на внимательном изучении понятия лишения прав — на его тщательном эмпирическом исследовании и концептуализации. Моя цель — проанализировать контекстуально специфические форматы лишения прав как исторически предопределенные и встроенные в систему политэкономических отношений и изменений. Тщательная полевая работа и внимание к ситуационным оценкам необходимы, но недо-

статочны для достижения этой цели, поскольку нежелание прорабатывать понятие лишения прав на концептуальном уровне приведет к сужению предмета исследования, т. е. к сокращению числа форм, которые может принимать лишение прав. Теоретическая работа необходима, чтобы выявить ограничения общепринятых трактовок лишения прав, которые склонны считать его универсальным и самоочевидным. Предлагаемый подход позволяет понятию лишения прав выйти за рамки логики обладания, земельного вопроса и конкретных исторических событий.

Если понятие лишения прав утрачивает прежний аналитический фокус и оказывается столь широким, то насколько тогда оправданно его использование? Данное понятие имеет столь неоднозначные и размытые определения в социальных науках, что постоянно предпринимаются попытки обозначить его очевидные (в определенном смысле) взаимосвязи с принудительными формами перераспределения и с юридическими концепциями владения и собственности (Levien, 2012, 2018; Nichols, 2015, 2017). В то же время проблема лишения прав породила бурные споры, которые, отчасти по причине своей концептуальной гибкости, обозначили критически важные связи и сходства между процессами лишения прав в разных контекстах, каждый из которых соответствует более узкому определению лишения прав. Подобные связи и сходства позволяют выйти за пределы локальных особенностей и предложить новые трактовки и основания для критики проблемы лишения прав в той форме, в какой она проявляет себя в определенных географических и исторических условиях. Эти связи и сходства также заставляют нас обращать внимание на незнакомые или неочевидные способы, посредством которых группы оказываются отделены от средств и благ, имеющих для них принципиальное значение. Таким образом, узкая трактовка лишения прав неприемлема, так как еще больше отвлекает внимание от наименее редко рассматриваемых и признаваемых его форм.

Исследования лишения прав должны принять аналитический вызов и признать в качестве своего предмета не столько очевидные, эффектные и драматичные, сколько повседневные и растянутые во времени форматы развертывания процесса лишения прав. Исследователи должны настаивать, что такие форматы не менее релевантны и насильственны, чем их «более привлекающие внимание аналоги» (Stoler, 2013: 5) — потрясающие эпизоды земельных захватов, которыми интересуются средства массовой информации, политики и социальные движения (Li, 2016). Они также должны постоянно подчеркивать устойчивость несправедливых и насильственных практик, потому что иначе невозможно обосновать тот факт, что проблему лишения прав нельзя решить, просто сменив исключение на доступ.

Пер. с англ. И.В. Троцук

Библиография

ТЕОРИЯ

Калугина З.И. (2012). Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. № 2. С. 45-67.

Калугина З.И. (2015). Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЕОПП СО РАН.

Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России (2015). // http://befl.ru/upload/iblock/491/49149771547afo5edeo81aec5f623916.pdf

Крупные землевладельцы России (2013). Москва.

Нефедова Т.Г. (2014). Десять актуальных вопросов о сельской России. М.: УРСС.

Российский рынок сельскохозяйственной земли (2010). Москва.

Росстат (2014). Труд и занятость в России. 2013. М.: Федеральная служба государственной статистики.

Рынок сельхозактивов (2013). 2005–2013: Что купить и как продать? Сценарии входа в агробизнес. М.

Серова Е. (1995). Предпосылки и сущности современной аграрной реформы в России // Вопросы экономики. № 1.

Узун В., Гатаулина Е., Сарайкин В., Башмачников В., Павлушкина О., Родионова О. (2009). Тенденции развития и механизмы взаимодействия крупного и малого бизнеса в агропромышленном комплексе. М.: ВИАПИ.

Узун В., Шагайда Н., Сарайкин В. (2012). Агрохолдинги России и их роль в производстве зерна // http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/ Europe/documents/Publications/Policy_Stdies/Agroholdings_ru.pdf

Шагайда Н. (2010). Оборот сельскохозяйственных земель в России: Трансформация институтов и практика: М.: Институт Гайдара.

Amelina M. (2000). Why Russian peasants remain in collective farms: A household perspective on agricultural restructuring // Post-Soviet Geography and Economics. Vol. 41. No. 7. P. 483-511.

Atkin C. (2009). Investment in farmland and farming in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union — current trends and issues // M. Kugelman, S.L. Levenstein, C. Atkin (eds.). Land Grab? The Race for the World's Farmland. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars. P. 108-119.

Barnes A.S. (2006). Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power. Ithaca: Cornell University Press.

Berlant L.G. (2016). The commons: Infrastructures for troubling times // Environment and Planning: Society and Space. Vol. 34. No. 3. P. 393-419.

Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B., Wolford W. (2011). Towards a better understanding of global land grabbing: an editorial introduction // Journal of Peasant Studies. Vol. 38. No. 2. P. 209-216.

Bridge G. (2009). Natural resources // R. Kitchin, N. Thrift (eds.). International Encyclopedia of Human Geography. Amsterdam: Elsevier. P. 261-268.

Butler J., Athanasiou A. (2013). Dispossession: The Performative in the Political. Cambridge: Polity Press.

Cotula L. (2013). The new enclosures? Polanyi, international investment law and the global land rush // Third World Quarterly. Vol. 34. No. 9. P. 1605-1629.

Edelman M., Oya C., Borras S.M. (2013). Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories // Third World Quarterly. Vol. 34. No. 9. P. 1517-1531.

Edelman M., Wolford W. (2017). Introduction: Critical agrarian studies in theory and practice // Antipode. Vol. 49. No. 4. P. 959-976.

Ellman M., Kontorovich V. (eds.) (1992). The Disintegration of the Soviet Economic System. London: Routledge.

Fairbairn M., Fox J., Isakson S.R., Levien M., Peluso N., Razavi S., Scoones I., Sivaramakrishnan K. (2014). Introduction: New directions in agrarian political economy // Journal of Peasant Studies. Vol. 41. No. 5. P. 653-666.

FAO (2014). The State of Food and Agriculture 2014: Innovation in Family Farming. Rome: FAO.
Franco J., Mehta L., Veldwisch G.J. (2013). The global politics of water grabbing // Third World Quarterly. Vol. 34. No. 9. P. 1651-1675.
Gardner K. (2018) We demand work! "Dispossession", patronage and village labor in Bibiyana, Bangladesh // Journal of Peasant Studies. Vol. 19. No. 13. P. 1-17.
Gerry C.J., Nivorozhkin E., Rigg J.A. (2008). The great divide: "ruralisation" of poverty in Russia // Cambridge Journal of Economics. Vol. 32. No. 4. P. 593-607.
Glassman J. (2006). Primitive accumulation, accumulation by dispossession, accumulation by "extra-economic" means // Progress in Human Geography. Vol. 30. No. 5. P. 608-625.
Grain seized! The 2008 land grab for food and financial security // http://www.grain.org/article/entries/93-seized-the-2008-landgrab-for-food-and-financial-security.
Hall D. (2012). Rethinking primitive accumulation: Theoretical tensions and rural Southeast Asian complexities // Antipode. Vol. 44. No. 4. P. 1188-1208.
Hall D. (2013a). Land. Cambridge: Polity Press
Hall D. (2013b). Primitive accumulation, accumulation by dispossession and the global land grab // Third World Quarterly. Vol. 34. No. 9. P. 1582-1604.
Hall D., Hirsch P., Li T. (2011). Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia. Honolulu: University of Hawai'i Press.
Hall R., Edelman M., Borras S.M., Scoones I., White B., Wolford W. (2015). Resistance, acquiescence or incorporation? An introduction to land grabbing and political reactions "from below" // Journal of Peasant Studies. Vol. 42. No. 3-4. P. 467-488.
Hart G. (2006). Denaturalizing dispossession: Critical ethnography in the age of resurgent imperialism // Antipode. Vol. 38. No. 5. Pp. 977-1004.
Harvey D. (2003). The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press.
Independent Institute for Social Policy (2002). Inequality and Poverty in Russia in Transition. Moscow.
Kalugina Z.I. (2014). Agricultural policy in Russia: Global challenges and the viability of rural communities // International Journal of Sociology of Agriculture and Food. Vol. 21. No. 1. P. 115-131.
Kellogg C. (2017). "You be my body for me" // Philosophy & Social Criticism. Vol. 43. No. 1. P. 83-95.
Kenney-Lazar M. (2018). Governing dispossession: Relational land grabbing in Laos // Annals of the American Association of Geographers. Vol. 108. No. 3. P. 679-694.
Lerman Z., Shagaida N. (2007). Land policies and agricultural land markets in Russia // Land Use Policy. Vol. 24. P. 14-23.
Levien M. (2012). The land question: special economic zones and the political economy of dispossession in India // Journal of Peasant Studies. Vol. 39. No. 3-4. P. 933-969.
Levien M. (2013). The politics of dispossession: Theorizing India's "Land Wars" // Politics & Society. Vol. 41. No. 3. P. 351-394.
Levien M. (2018). Dispossession without Development: Land Grabs in Neoliberal India. New York: Oxford University Press.
Li T.M. (2014a). Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier. Durham: Duke University Press.
Li T.M. (2014b). What is land? Assembling a resource for global investment // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 39. No. 4. P. 589-602.
Li T.M. (2016). Land's end: Response by Tania M. Li // Journal of Peasant Studies. Vol. 43. No. 4. P. 954-962.
Lindner P. (2007). Localizing privatization, disconnecting locales — Mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia // Geoforum. Vol. 38. No. 3. P. 494-504.
Lindner P. (2008). Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft. Bielefeld: Transcript.
Locke J. (1988 [1689]). Two Treatises of Government. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Luyt I., Santos N., Carita A. (2013). Emerging investment trends in primary agriculture: A review of equity funds and other foreign-led investments in the CEE and CIS region // http://www.fao.org/3/a-i3474e.pdf.

Macpherson C.B. ([1962] 2011). The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Don Mills: Oxford University Press.

Mamonova N. (2016) Naive monarchism and rural resistance in contemporary Russia // Rural Sociology. Vol. 81. No. 3. P. 316-342.

Marx K. (1982 [1867]). Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. London, New York: Penguin Books.

McKay B.M. (2017). Agrarian extractivism in Bolivia // World Development. Vol. 97. P. 199-211.

Nichols R. (2015). Disaggregating primitive accumulation // Radical Philosophy. Vol. 194. P. 18-28.

Nichols R. (2017). Theft is property! The recursive logic of dispossession // Political Theory: 009059171770170.

Nikulin A.M. (2003). Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda: Contradictions of post-Soviet rural development // Focaal. No. 41. P. 137-152.

Nikulin A.M. (2011). From post-kolkhoz to oligarkhoz // RUDN Journal of Sociology. No. 2. P. 56-68.

Nivorozhkin E., Nivorozhkin A., Nivorozhkina L., Ovcharova L. (2010). The urban-rural divide in the perception of the poverty line: The case of Russia // Applied Economics Letters. Vol. 17. No. 16. P. 1543-1546.

Novirost (2013). Russia: Schedule of large farmland holdings // http://www.novirost.com/downloads/Russia_large_farmland_26.12.2013_Novirost.pdf.

Pallot J., Nefedova T. (2007). Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press.

Perreault T. (2012). Dispossession by accumulation? Mining, water and the nature of enclosure on the Bolivian Altiplano // Antipode. P. 1050-1069.

Pisano J. (2008). The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Polanyi K. (2001 [1945]). The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Press.

Ribot J.C., Peluso N.L. (2003). A theory of access // Rural Sociology. Vol. 68. No. 2. P. 153-181.

Rylko D. Jolly R.W. (2005). Russia's new agricultural operators: Their emergence, growth and impact // Comparative Economic Studies. Vol. 47. P. 115-126.

Sassen S. (2010). A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation // Globalizations. Vol. 7. No. 1-2. P. 23-50.

Sassen S. (2014). Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press.

Scott J.C. (1998). Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press.

Spoor M. (2012). Agrarian reform and transition: What can we learn from "the east"? // Journal of Peasant Studies. Vol. 39. No. 1. P. 175-194.

Spoor M. (ed.) (2008). The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants and Rural Poverty in Transition. Abingdon, Oxon: Routledge.

Stoler A.L. (2013). Introduction: "The rot remains". From ruins to ruination // A.L. Stoler (ed.). Imperial Debris: On Ruins and Ruination. Durham: Duke University Press. P. 1-37.

Visser O. (2008). Crucial connections: The persistence of large farm enterprises in Russia. PhD Thesis. Nijmegen.

Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012). Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia // Journal of Peasant Studies. Vol. 39. No. 3-4. P. 899-931.

Visser O., Spoor M. (2011). Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake // Journal of Peasant Studies. Vol. 38. No. 2. P. 299-323.

Vorbrugg A. (в печати) Ethnographies of slow violence. Loss and the politics of representation in rural Russia.

Wegren S.K. (2009). Russia's incomplete land reform // Russian Analytical Digest. Vol. 64. P. 2-5.

Wegren S.K. (2011). Private farming in Russia: An emerging success? // Post-Soviet Affairs. Vol. 27. No. 3. P. 211-240.

Wegren S.K. (2014). Rural inequality in divided Russia. New York: Routledge.

Wengle S.A. (2017). Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia // Governance. Vol. 91. P. 1-19.

White B., Borras S.M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012). The new enclosures: critical perspectives on corporate land deals // Journal of Peasant Studies. Vol. 39. No. 3-4. P. 619-647.

Wolford W., Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B. (2013). Governing global land deals: The role of the state in the rush for land // Development and Change. Vol. 44. No. 2. P. 189-210.

World Bank (1992). Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition. Washington DC: World Bank.

Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia

Alexander Vorbrugg, a Postdoctoral Researcher Institute of Geography, University of Bern (Switzerland). Hallerstr. 12, 3012 Bern, Switzerland. E-mail: alexander.vorbrugg@giub.unibe.ch.

In most literature in geography and agrarian studies, rural dispossession is neatly related to land rights or access, a trend that increased with debates about the recent wave of farmland investments worldwide. This paper critiques this focus and the assumed nexus between rural dispossession and farmland, as they prevent us from understanding widespread but more dispersed stakes, modes and temporalities of dispossession. I draw on long term fieldwork in rural Russia in which I traced the lasting effects of historical devaluation and systemic disadvantage, and the disintegration of sustaining institutions and infrastructures. I introduce the concept of dispersed dispossession which contributes to the broader conceptual debates on dispossession by bringing complex stakes, modes and temporalities of dispossession into view. For the empirical case, it allows to better understand forms of dispossession that occur rather slowly and silently, and concern social and relational goods rather than natural resources as such.

Key words: dispossession, rural transformation, Russia, land, post-Soviet political economies.

References

Amelina M. (2000) Why Russian peasants remain in collective farms: A household perspective on agricultural restructuring. *Post-Soviet Geography and Economics,* vol. 41, no 7, pp. 483-511.

Atkin C. (2009) Investment in farmland and farming in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union — current trends and issues. (M. Kugelman, S.L. Levenstein, C. Atkin (eds.)) *Land Grab? The Race for the World's Farmland,* Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, pp. 108-119.

Barnes A.S. (2006) *Owning Russia: The Struggle over Factories, Farms, and Power*, Ithaca: Cornell University Press.

Berlant L.G. (2016) The commons: Infrastructures for troubling times. *Environment and Planning: Society and Space*, vol. 34, no 3, pp. 393-419.

Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B., Wolford W. (2011) Towards a better understanding of global land grabbing: an editorial introduction. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, no 2, pp. 209-216.

Bridge G. (2009) Natural resources. (eds. R. Kitchin, N. Thrift). *International Encyclopedia of Human Geography*, Amsterdam: Elsevier, pp. 261-268.

Butler J., Athanasiou A. (2013) *Dispossession: The Performative in the Political,* Cambridge: Polity Press.

Cotula L. (2013) The new enclosures? Polanyi, international investment law and the global land rush. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1605-1629.

Edelman M., Oya C., Borras S.M. (2013) Global land grabs: Historical processes, theoretical and methodological implications and current trajectories. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1517-1531.

Edelman M., Wolford W. (2017) Introduction: Critical agrarian studies in theory and practice. *Antipode,* vol. 49, no 4, pp. 959-976.

Ellman M., Kontorovich V. (eds.) (1992) *The Disintegration of the Soviet Economic System,* London: Routledge.

Fairbairn M., Fox J., Isakson S.R., Levien M., Peluso N., Razavi S., Scoones I., Sivaramakrishnan K. (2014) Introduction: New directions in agrarian political economy. *Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 5, pp. 653-666.

FAO (2014) *The State of Food and Agriculture 2014: Innovation in Family Farming*, Rome: FAO.

Franco J., Mehta L., Veldwisch G.J. (2013) The global politics of water grabbing. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 9, pp. 1651-1675.

Gardner K. (2018) We demand work! "Dispossession", patronage and village labor in Bibiyana, Bangladesh. *Journal of Peasant Studies,* vol. 19, no 13, pp. 1-17.

Gerry C.J., Nivorozhkin E., Rigg J.A. (2008) The great divide: "ruralisation" of poverty in Russia. *Cambridge Journal of Economics,* vol. 32, no 4, pp. 593-607.

Glassman J. (2006) Primitive accumulation, accumulation by dispossession, accumulation by "extra-economic" means. *Progress in Human Geography*, vol. 30, no 5, pp. 608-625.

Grain seized! The 2008 land grab for food and financial security // http://www.grain.org/article/entries/93-seized-the-2008-landgrab-for-food-and-financial-security.

Hall D. (2012) Rethinking primitive accumulation: Theoretical tensions and rural Southeast Asian complexities. *Antipode*, vol. 44, no 4, pp. 1188-1208.

Hall D. (2013a) *Land*, Cambridge: Polity Press.

Hall D. (2013b) Primitive accumulation, accumulation by dispossession and the global land grab. *Third World Quarterly,* vol. 34, no 9, pp. 1582-1604.

Hall D., Hirsch P., Li T. (2011) *Powers of Exclusion: Land Dilemmas in Southeast Asia*, Honolulu: University of Hawai'i Press.

Hall R., Edelman M., Borras S.M., Scoones I., White B., Wolford W. (2015) Resistance, acquiescence or incorporation? An introduction to land grabbing and political reactions "from below". *Journal of Peasant Studies*, vol. 42, no, 3-4, pp. 467-488.

Hart G. (2006) Denaturalizing dispossession: Critical ethnography in the age of resurgent imperialism. *Antipode*, vol. 38, no 5, pp. 977-1004.

Harvey D. (2003) *The New Imperialism*, Oxford: Oxford University Press.

Independent Institute for Social Policy (2002) *Inequality and Poverty in Russia in Transition,* Moscow.

Kalugina Z.I. (2012) Inversiya selskoy zanyatosti: praktika i politika [Inversion of rural employment: Practice and policy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya,* no 2, pp. 45-67.

Kalugina Z.I. (2014) Agricultural policy in Russia: Global challenges and the viability of rural communities. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food,* vol. 21, no 1, pp. 115-131.

Kalugina Z.I. (2015) *Rynochnaya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii: Sotsiologicheskiy diskurs* [Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: A Sociological Discourse], Novosibirsk: IEOPP SO RAN.

Kellogg C. (2017) "You be my body for me". *Philosophy & Social Criticism*, vol. 43, no 1, pp. 83-95.

Kenney-Lazar M. (2018) Governing dispossession: Relational land grabbing in Laos. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 108, no 3, pp. 679-694.

Krupneyshiye vladeltsy selkokhozyaystvennoy zemli v Rossii (2015) [The largest owners of agricultural land in Russia]. http://befl.ru/upload/iblock/491/49149771547af05edeo81aec5f623916.pdf *Krupnyye zemlevladeltsy Rossii* (2013) [Large Owners of Land in Russia], Moscow.

Lerman Z., Shagaida N. (2007) Land policies and agricultural land markets in Russia. *Land Use Policy*, vol. 24, pp. 14-23.

Levien M. (2012) The land question: special economic zones and the political economy of dispossession in India. *Journal of Peasant Studies,* vol. 39, no 3-4, pp. 933-969.

Levien M. (2013) The politics of dispossession: Theorizing India's "Land Wars". *Politics & Society,* vol. 41, no 3, pp. 351-394.

Levien M. (2018) *Dispossession without Development: Land Grabs in Neoliberal India*, New York: Oxford University Press.

Li T.M. (2014a) *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*, Durham: Duke University Press.

Li T.M. (2014b) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 39, no 4, pp. 589-602.

Li T.M. (2016) Land's end: Response by Tania M. Li. *Journal of Peasant Studies*, vol. 43, no 4, pp. 954-962.

Lindner P. (2007) Localizing privatization, disconnecting locales — Mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia. *Geoforum,* vol. 38, no 3, pp. 494-504.

Lindner P. (2008) *Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft*, Bielefeld: Transcript.

Locke J. (1988 [1689]) *Two Treatises of Government*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Luyt I., Santos N., Carita A. (2013) *Emerging investment trends in primary agriculture: A review of equity funds and other foreign-led investments in the CEE and CIS region* // http://www.fao.org/3/a-i3474e.pdf.

Macpherson C.B. ([1962] 2011) *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke,* Don Mills: Oxford University Press.

Mamonova N. (2016) Naive monarchism and rural resistance in contemporary Russia. *Rural Sociology*, vol. 81, no 3, pp. 316-342.

Marx K. (1982 [1867]) *Capital: A Critique of Political Economy*, vol. 1, London, New York: Penguin Books.

McKay B.M. (2017) Agrarian extractivism in Bolivia. *World Development,* vol. 97, pp. 199-211.

Nefedova T.G. (2014) *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii*: *otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer], Moscow: URSS.

Nichols R. (2015) Disaggregating primitive accumulation. *Radical Philosophy*, vol. 194, pp. 18-28.

Nichols R. (2017) Theft is property! The recursive logic of dispossession. *Political Theory*: 009059171770170.

Nikulin A.M. (2003) Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda: Contradictions of post-Soviet rural development. *Focaal*, no 41, pp. 137-152.

Nikulin A.M. (2011) From post-kolkhoz to oligarkhoz. *RUDN Journal of Sociology,* no 2, pp. 56-68.

Nivorozhkin E., Nivorozhkin A., Nivorozhkina L., Ovcharova L. (2010) The urban-rural divide in the perception of the poverty line: The case of Russia. *Applied Economics Letters*, vol. 17, no 16, pp. 1543-1546.

Novirost (2013) Russia: Schedule of large farmland holdings // http://www.novirost.com/downloads/Russia_large_farmland_26.12.2013_Novirost.pdf.

Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia,* Oxford: Oxford University Press.

Perreault T. (2012) Dispossession by accumulation? Mining, water and the nature of enclosure on the Bolivian Altiplano. *Antipode*, pp. 1050-1069.

Pisano J. (2008) *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Polanyi K. (2001 [1945]) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.

Ribot J.C., Peluso N.L. (2003) A theory of access. *Rural Sociology*, vol. 68, no 2, pp. 153-181.

Rossiyskiy rynok selskokhozyaystvennoy zemli [Russian Agricultural Land Market] (2010), Moscow.

Rosstat (2014) Trud i zanyatost v Rossii [Labor and Employment in Russia]. 2013. Moscow: Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki.

Rylko D. Jolly R.W. (2005) Russia's new agricultural operators: Their emergence, growth and impact. *Comparative Economic Studies*, vol. 47, pp. 115-126.

Rynok selkhozaktivov [Agricultural assets market] (2013). 2005–2013: Chto kupit i kak prodat? Stsenarii vkhoda v agrobiznes [What to buy and how to sell? Scenarios of entering agribusiness], Moscow.

Sassen S. (2010) A savage sorting of winners and losers: Contemporary versions of primitive accumulation. *Globalizations*, vol. 7, no 1-2, pp. 23-50.

Sassen S. (2014) *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*, Cambridge: Harvard University Press.

Scott J.C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven: Yale University Press.

Serova E. (1995) Predposylki i suschnosti sovremennoy agrarnoy reformy v Rossii [Prerequisites and essence of the contemporary agrarian reform in Russia]. *Voprosy ekonomiki,* no 1.

Shagaida N. (2010) *Oborot selskokhozyaystvennykh zemel v Rossii: Transformatsiya institutov i praktika* [Agricultural Land Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practice], Moscow: Institut Gaydara.

Spoor M. (2012) Agrarian reform and transition: What can we learn from "the east"? *Journal of Peasant Studies,* vol. 39, no 1, pp. 175-194.

Spoor M. (ed.) (2008) *The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants and Rural Poverty in Transition*, Abingdon, Oxon: Routledge.

Stoler A.L. (2013) Introduction: "The rot remains". From ruins to ruination (A.L. Stoler ed.). *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*, Durham: Duke University Press, pp. 1-37.

Uzun V., Gataulina E., Saraykin V., Bashmachnikov V., Pavlushkina O., Rodionova O. (2009) *Tendentsii razvitiya i mekhanizmy vzaimodeystviya krupnogo i malogo biznesa v agropromyshlennom komplekse* [Development Trends and Mechanisms of Interaction of Large and Small Business in the Agrarian-Industrial Complex], Moscow: VIAPI.

Uzun V., Shagaida N., Saraykin V. (2012) Agrokholdingi Rossii i ikh rol v proizvodstve zerna [Russian agricultural holdings and their role in grain production].http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/Europe/documents/Publications/Policy_Stdies/Agroholdings_ru.pdf.

Visser O. (2008) *Crucial connections: The persistence of large farm enterprises in Russia*. PhD Thesis. Nijmegen.

Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies,* vol. 39, no 3-4, pp. 899-931.

Visser O., Spoor M. (2011) Land grabbing in post-Soviet Eurasia: The world's largest agricultural land reserves at stake. *Journal of Peasant Studies,* vol. 38, no 2, pp. 299-323.

Vorbrugg A. (in print) *Ethnographies of slow violence. Loss and the politics of representation in rural Russia*.

Wegren S.K. (2009) Russia's incomplete land reform. *Russian Analytical Digest*, vol. 64, pp. 2-5.

Wegren S.K. (2011). Private farming in Russia: An emerging success? *Post-Soviet Affairs,* vol. 27, no 3, pp. 211-240.

Wegren S.K. (2014) *Rural inequality in divided Russia*, New York: Routledge.

Wengle S.A. (2017) Local effects of the new land rush: How capital inflows transformed rural Russia. *Governance*, vol. 91, pp. 1-19.

White B., Borras S.M., Hall R., Scoones I., Wolford W. (2012) The new enclosures: critical perspectives on corporate land deals. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, no 3-4, pp. 619-647.

Wolford W., Borras S.M., Hall R., Scoones I., White B. (2013) Governing global land deals: The role of the state in the rush for land. *Development and Change,* vol. 44, no 2, pp. 189-210.

World Bank (1992) *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition*, Washington DC: World Bank.